

Оглавление

Введение	13
<i>Глава 1</i>	
Как образуются экспрессивные диминутивы	19
1. Понятие экспрессивного диминутива	21
2. Словообразовательная категория экспрессивного диминутива. Суффиксы и их продуктивность	25
3. Структура значений диминутивных суффиксов	28
4. Каталоги суффиксов в литературе	30
5. Классификация суффиксов, выражающих диминутивную экспрессию	37
5.1. Группа I. <i>Билетик, лимончик.</i> Суффиксы, способные выражать объективную и экспрессивно окрашенную уменьшительность	39
5.2. Группа II. <i>Речушка, лодчонка.</i> Суффиксы, способные выражать экспрессивно окрашенную уменьшительность	42
5.3. Группа III. <i>Полушко, Машенька.</i> Суффиксы, не выражающие уменьшительность	45
5.4. Группа IV. <i>Котёнок, змеёныш.</i> Суффиксы невзрослости	49
6. <i>Лимонец – лимончик.</i> Вторичная деривация и сращение суффиксов	51

7. Конкуренция диминутивных суффиксов	59
7.1. Примеры конкуренции	59
7.2. Результаты конкуренции	62
8. Ограничение продуктивности	63
8.1. Морфонологические ограничения	63
8.2. Грамматические ограничения	64
8.3. Семантические ограничители	65
9. Ударение и интонация как смысловозначительные характеристики	67
10. Образование экспрессивных диминутивов: выводы	69

Глава 2

Семантика экспрессивных диминутивов

1. Бинарная модель семантики экспрессивных диминутивов. «Ласкательные – презирательные»	75
2. Критика бинарной модели. Другие значения диминутивов	76
3. Переадресация отношения: от денотата к адресату высказывания	77
4. Классификация значений экспрессивных диминутивов	78
4.1. Субъективное преуменьшение. Интенсивные, риторические и эвфемистические диминутивы	78
4.1.1. Крошечка. Интенсивы	80
4.1.2. Неделька. Риторические диминутивы	83
4.1.3. Морщинка. Эвфемизмы	84
4.2. Субъективное отношение: от ласкательности до презрения	86
4.2.1. Мамочка и картошечка. Ласкательность: нежность и удовольствие	87

4.2.2. Типчик и машинёшка.	
Пренебрежительность/уничижительность.	
Презренные люди и плохонькие вещи	89
4.2.3. Мальчонка и девчушка.	
Промежуточные оттенки: жалость,	
снисходительность	92
4.2.4. Денежка. Смирение	94
4.2.5. Шаловливые ручонки рынка.	
Ирония от шутливости до сарказма	94
5. Этикетная роль диминутивов	104
5.1. Холопишко и золовченка.	
Этикетные уничижительные диминутивы	
XVI–XVII вв.	105
5.2. За справочкой. Подобострастие	108
5.3. Государыня моя сестрица.	
Этикетные ласкательные обращения	110
5.4. Стишки и отчётец. Этикет скромности	112
5.5. Огурчиков килограммчик.	
Вежливые диминутивы XX–XXI вв	113
5.6. Сigaretки не найдется?	
«Смягчение речи» и снижение	
категоричности просьбы	115
5.7. Фильмец и видосик.	
Свойскость, непринуждённость	118
5.8. Гармоничненько.	
Снижение пафоса и категоричности оценки	121
6. Развитие значений.	
Уменьшительность → экспрессия → этикет	125
6.1. Лингвисты о связи уменьшительности	
и экспрессии	125
6.2. Коннотации малого	131
6.2.1. Малое → детскость → ласкательность	134
6.2.2. Ласкательность → вежливость	140
6.2.3. Детскость → одобрительность	141
6.2.4. Детскость → свойскость	142

6.2.5. Уменьшительность → уничижительность	143
6.2.6. Уменьшительность → пренебрежительность	146
7. Схемы развития значений и функций	147
8. Экспрессия диминутивов: выводы	151

Глава 3

Утрата экспрессии

экспрессивных диминутивов.....	153
1. Два способа утраты диминутивности	155
2. Снятие многозначности, грамматическое выравнивание, адаптация заимствований как преимущества диминутивов	163
3. Классификация диминутивов, утративших экспрессию	164
3.1. Диминутив, конкурирующий с коррелятом	166
3.2. Диминутив, вытеснивший коррелят	168
3.3. Промежуточные случаи	170
4. Алгоритм отнесения слова к диминутивам, утратившим экспрессию	171
5. Изменение отношения между диминутивом и коррелятом	172
6. Типология утраченных экспрессивных значений	178
7. Семантическая классификация диминутивов, утративших экспрессию. Семантика и коннотации	179
7.1. Природа	181
7.2. Человек (родство, статус, возраст, тело, быт)	188
7.3. Детство	192
7.4. Малое	193
8. Новые деривационные типы (суффиксы)	194
9. Сдвиги коннотаций архаизмов, вытесненных диминутивами	198

9.1. Сдвиг «нейтральное → экспрессивное»:	
<i>лягуха, малец</i>	199
9.2. Сдвиг «нейтральное → формальное»:	
<i>сельдь, хорь</i>	202
9.3. Сдвиг «нейтральное → возвышенное/ироническое»:	
<i>дева, пуп</i>	204
9.4. Причина возникновения коннотаций у вытесненного слова	206
10. Выводы исследования	207
Заключение	209
Список литературы	216
Приложения	237
<i>Приложение 1</i>	
Диминутивные суффиксы: их продуктивность и позиции в конкуренции	238
<i>Приложение 2</i>	
Диминутивные суффиксы: их вторичная деривация и производность	248
<i>Приложение 3</i>	
Список пар «застывший экспрессивный диминутив – нейтральное существительное	253
<i>Приложение 4</i>	
Лексико-семантические группы диминутивов, утративших экспрессию (группы пересекаются)	266

Благодарности

Профессору, доктору филологических наук М.А. Кронгаузу, научному руководителю моей диссертации, легшей в основу этой книги, за неоценимую профессиональную и человеческую помощь; профессору, доктору филологических наук И.А. Шаронову; кандидату филологических наук, ведущей передачи «Говорим по-русски» на канале «Эхо Москвы» О.И. Северской; профессору, доктору филологических наук М.Ю. Федосюку, профессору, доктору филологических наук Л.В. Рацибурской, доктору филологических наук С.Г. Виноградову, в разное время знакомившимся с содержанием моих исследований и поддерживавшим их; моим близким людям, активно поддерживавшим, помогавшим и выслушивавшим меня: Фёдору Репейникову, Никите, Даниле и Евгению Фуфаевым; коллективам лаборатории социолингвистики, кафедры русского языка и в целом Института лингвистики РГГУ; сотрудникам издательства РГГУ: редактору Т.Ю. Журавлевой, дизайнеру Е.В. Амосовой, и всем, благодаря кому книга увидела свет. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10081).

Введение

Вы держите в руках систематизированное диахроническое описание русских экспрессивных диминутивов, включая исследование единиц, пополнивших нейтральный словарь, таких как *зяблик*, *девушка*, *садик* ‘детский сад’ и проч.

Определение «экспрессивный» указывает на диминутивы, выражающие не размер, а оттенки отношения. Например, во фразе Аввакума «*И нынеча мне жаль курочки той*» с помощью диминутива выражается ласковое отношение к денотату; в реплике, обращенной к ребёнку, «*Вот трамвайчик едет*» – к адресату. Этикетный диминутив *дѣлишко* маркирует низший по сравнению с адресатом статус автора письма XVII в.: «*Въ нынѣшнемъ государи въ 203 году мая въ 1 день приволокся я холопѣ вашѣ къ Москвѣ для дѣлишка своего*» [Словарь русского языка XI–XVII вв.], а этикетная единица современного молодежного жаргона *сорьки* (от английского *sorry* ‘прошу прощения’) – неформальный и дружеский характер коммуникации. В отличие от диминутивов, обозначающих объекты меньшего размера, экспрессивные диминутивы обозначают те же денотаты, что и обычные существительные, и заменяют их в речи: *возьми салат* – *возьми салатик*, а в случае постоянного употребления – полностью вытесняют, попутно утрачивая экспрессию. «Особенно в словах... выражающих понятие... любезного... первоначальное понятие уменьшения со временем утрачивается и становится нечувствительным», – писал Якоб Гримм, указывая на диминутивное происхождение славянского *солнце* [Цит. по: Виноградов 1972. С. 96]. Некоторые такие единицы опростились, ср. корень *ласточк-*, в других случаях суффикс продолжает выделяться, как в *девушка*, утратившем ласкательность.

Роль экспрессивных диминутивов в русской речи различных эпох, социальных и территориальных групп огромна. Они постоянно употребляются в разговорах с детьми и о детях, в дискурсах угощения, просьбы, жалобы, при выражении иронии и сочувствия. Экспрессивные диминутивы используются как средство вежливости, установления контакта с собеседником, обеспечения комфортной коммуникации. Этикетные уничижительные диминутивы играли большую роль в деловой письменности XVII в. С помощью диминутивов заискивают и жалеют, выражают презрение и нежность, подчеркивают свою скромность и принижают собеседника. Одним словом, разнообразие оттенков отношения, выражаемых этими единицами, поразительно. Без экспрессивных диминутивов не обходятся ни русские говоры, ни современный молодежный интернет-жаргон, ни русское уголовное аргю, ср., единицы *писемушко* и *бугорушко* говором Северо-Запада [Свешникова 2007], *пичалька* и *няшка* в молодежном интернет-жаргоне [Кронгауз 2016. С. 82, 94], *больничка* в уголовном аргю. Различные оттенки эмоций и коммуникативные функции русских диминутивов разных эпох описывали Г.П. Павский, Ф.И. Буслаев, А.Х. Востоков, К.С. Аксаков, В.А. Богородицкий, Л.А. Булаховский, В.В. Виноградов (в частности, в работе «О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума»), В.В. Колесов, В.П. Фелицына, С.С. Плямоватая, С.С. Волков, В.Г. Чурганова, Л.П. Крысин, Е.А. Земская (писавшая о вежливых диминутивах в городской речи второй половины XX в.), А.А. Зализняк, С.Н. Шейдаева¹. Можно отметить исследования употребления диминутивов в гендерном аспекте, например [Кавинкина 2006], [Попова 2007], в языке нянь и детской речи [Воейкова 2004], [Гаврилова 2002], [Протасова 1999, 2001], [Olmsted 1994], в диалектной речи, в плачах [Гриб 1978], [Жигунова 1977], [Новикова 1978], [Свешникова 1996, 2007], [Резниченко, Резниченко 2009], в художественной и документальной литературе [Жилияков 1968], [Крамкова 2001], [Шарова 2003], [Менькова

¹ См.: [Павский 1841, 1842], [Буслаев 1858], [Востоков 1859], [Аксаков 1880], [Богородицкий 1935], [Булаховский 1937], [Виноградов 1923], далее [Виноградов 1944, 1972, 1975], [Колесов 2007], [Фелицына 1960], [Плямоватая 1955, 1961], [Волков 1974, 2010], [Чурганова 1974], [Крысин 2004], [Земская 1996], [Разговоры в магазине], [Зализняк 2012], [Шейдаева 1998].

2010], [Щербахо 2015] и проч. Столь важная роль русских экспрессивных диминутивов связана с обширностью их словообразовательной семантики.

Богата не только семантика, но и способы образования экспрессивных диминутивов, включающие десятки различных суффиксов, непроизводных и производных.

Наконец, как план выражения, так и план содержания этих дериватов подвержены изменениям. Образуются новые производные суффиксы, развиваются и уходят в прошлое те или иные коммуникативные функции; наиболее востребованные экспрессивные диминутивы успешно конкурируют и вытесняют нейтральные существительные.

Как оказалось, это словообразовательное и семантическое разнообразие можно систематизировать, причем в диахроническом аспекте, с учетом тенденций, а также выявить в русском словаре единицы, исходно являвшиеся экспрессивными диминутивами.

Первая часть данной работы посвящена образованию экспрессивных диминутивов и его тенденциям. Словообразовательная категория экспрессивных диминутивов представлена в виде полевой модели. Для этого у всех суффиксов, с помощью которых образуются эти дериваты, были описаны четыре свойства:

- 1) набор выражаемых значений;
- 2) участие во вторичной деривации («нанизывании» суффиксов друг на друга) и производстве новых суффиксов;
- 3) продуктивность;
- 4) позиции в конкуренции.

В результате словообразовательная категория экспрессивных диминутивов предстала полем с ядром в виде самых продуктивных и полисемантических суффиксов и периферией – менее продуктивными, в основном чисто экспрессивными суффиксами, в том числе редкими, архаичными.

В поле постоянно происходят изменения. Теряя продуктивность, суффиксы переходят из ядра на периферию (при этом могут наращивать экспрессию) и из периферии за рамки словообразовательной категории. Как в ядре, так и на периферии регулярно образуются новые суффиксы из комбинаций двух суффиксов. Все подобные изменения и тенденции иллюстрируются новыми, старыми и застывшими (утратившими диминутивность) дериватами.

Продуктивность суффикса тесно связана с разного рода ограничениями на его сочетания с основами: чем суффикс продуктивнее, тем у него меньше ограничений. Снижение продуктивности суффикса сопровождается ужесточением ограничений. Ограничения продуктивности суффиксов экспрессивных диминутивов также классифицированы. Кроме того, описаны процессы конкуренции и вторичной деривации суффиксов, определяющие эволюцию диминутивов. В приложениях даны перечни суффиксов с указанием их продуктивности, комбинаций суффиксов, в том числе превратившихся в самостоятельные суффиксы.

Во второй части систематизирована семантика экспрессивных диминутивов в виде типологии всех словообразовательных значений и коммуникативных функций. Экспрессивные значения диминутивов делятся на две группы в зависимости от того, выступает ли в них уменьшительность как прямое или как переносное значение. В первой группе уменьшительность – значение прямое, но она не выражает объективно меньший размер денотата, а используется для гиперболизации или риторического внушения его малости: *ни крошечки, всего часик*, или для эвфемистического преуменьшения денотата: *морщинка, укольчик*. Значения второй группы представляют собой спектр от ласкательности до уничижительности, развившийся из уменьшительности в результате операции переноса, как показано в работе. Показано также развитие на базе экспрессивных значений этикетной и фатической функций.

Третья часть работы представляет собой авторское исследование экспрессивных диминутивов, ставших нейтральными единицами словаря и доминантами синонимических рядов. Память об утраченных словообразовательных значениях заключена в их суффиксах. Реконструкция исходных коннотаций (оттенков экспрессии) и идентификация самих слов как бывших экспрессивных диминутивов велась на основе данных, полученных в первой и второй частях работы, а также анализа конкурировавших пар «экспрессивный диминутив – нейтральный коррелят», например, *соя – сойка, внука – внучка, кроха – крошка* ‘частица хлеба и подобных’.

В результате удалось выявить типы отношения, которые исходно выражали эти слова, и обнаружить, что на их судьбу влияет принадлежность к определенным лексико-семантическим группам (ЛСГ). Наиболее часто они обозначают

природные объекты, в особенности птиц (*зяблик, пеночка* и проч.) и детенышей животных; вытеснение рядом диминутивов, обозначающих детенышей животных, своих коррелятов, как *котёнок – котя*, вызвало появление нового словообразовательного типа на *-ёнок*.

Актуальность исследования определяется не только важной ролью, но и регулярной критикой употребления диминутивов. Использование их в речи часто воспринимается обществом как маркер невысокого образования, дурного вкуса, узкого кругозора и даже деградации русского языка, см., например, статьи в СМИ: [Сноб], [Батенька], [Лента.ру] и статью «Овуляшка» в «Энциклопедии современной культуры, фольклора и субкультур “Луркоморье”» [Луркоморье].

Писательница Татьяна Толстая в интервью Радио Свобода говорит о «поразительно модном тренде не любить уменьшительные суффиксы, отрезать и не понимать огромный инструмент», в то время как «богатейшие за ними стоят смыслы» [Толстая 2016], и посвящает русским гастрономическим диминутивам² сочувственное эссе на своей странице в Фейсбуке [Толстая 2013]. В интервью «Консервативному женскому журналу “Матроны.RU”», посвященному языку нянь, М.А. Кронгауз говорит о негативном отношении и даже ненависти к форумам молодых матерей, в том числе в связи с использованием ими диминутивов: «...самым популярным объектом издевательства являются мамочки или беременные женщины, потому что над этими словами с избыточной сентиментальностью действительно легко издеваться» [Матроны.ру 2016]. Лингвист Н.В. Менькова посвящает отдельное исследование негативно-му отношению к диминутивам в русском обществе, активно выражающемуся в Интернете [Менькова 2018].

Между тем эти единицы присутствуют не только в современном общении малообразованных домохозяек и молодых матерей, что подтверждало бы версию о принадлежности их к городскому просторечию, но и в интернет-речи образованных носителей русского языка, часто с разнообразными оттенками шутливости. Как показывают исследования, в некоторых дис-

² Термин В.Г. Гака, см. гл. 2, п. 4.2.1, относящийся к диминутивам с семантикой еды и специфическими коннотациями: «впечатление от съеданного блюда» и «приятное воспоминание» [Гак 2000]. Сама Т.Н. Толстая называет их «пищевыми уменьшительными».

курсах, прежде всего в языке нянь [Воейкова 2004], но также дискурсах угощения и «магазинном», диминутивы используются почти независимо от социальной страты. Снова процитирую М.А. Кронгауза: «Есть слова, которые произносим мы все, и не надо думать, что страсть к уменьшительности — свойство нежных женщин (ну там “колбаска”, “сырочек”, “молочко”). Какие-нибудь два грубых мужика все-таки пьют “водочку” и “коньячок”»³. То есть общественное представление о диминутивах фактически является наивно лингвистическим и основывается на какой-то одной частной функции и сфере их употребления – например, в стратегии заискивания. Это делает объективную научную информацию о роли русских экспрессивных диминутивов в языке и речи социально значимой.

Наконец, факт наличия в русском словаре единиц, которые в бытность экспрессивными диминутивами были столь востребованы, что вытеснили нейтральные однокоренные синонимы, демонстрирует устойчивую потребность говорящих на русском языке в этом типе экспрессивов, особенно в определённых семантических сферах.

Экспрессивные диминутивы – неотъемлемая часть языка. При этом, как любые не-нейтральные, ярко характерные единицы, они хороши на своем месте и при всей широте семантики далеко не универсальны.

³ Бумага. [Электронный ресурс] URL: <https://paperpaper.ru/photos/krongauz/> (дата обращения 20.11.2019).

ГЛАВА 1

Как образуются экспрессивные диминутивы

*В главе описываются
русские диминутивные суффиксы,
их классификация
и взаимоотношения*

1. Понятие экспрессивного диминутива

Как уже говорилось во введении, русские экспрессивные диминутивы очень многообразны по форме. Такими они выглядят даже при поверхностном взгляде: *типчик*, *морозец*, *котик*, *пуховичок*, *воробышек*, *мужчинка*, *бабуля*, *сестрёнка*, *погодушка*, *котейка*, *пальтишко*, *кинцо*...

Выясним, совпадает ли набор суффиксов экспрессивных диминутивов с таковым у размерных диминутивов, т. е. образуются ли обе группы диминутивов с помощью одних и тех же суффиксов.

Во-первых, все русские суффиксы, выражающие уменьшительность (см. списки уменьшительных суффиксов [Русская грамматика 1980, С. 206]), могут выражать и экспрессию. Ср. *-чик*: *диванчик* (кухонный, уменьшительное) и *телефончик* (в дискурсе просьбы, своёское, фатическое); *-ок/ек*: *кустарничек* (тип растительности, уменьшительное) и *котеночек* (ласкательное); *-ка*: *лопатка* (для торта, уменьшительное) и *мужчинка* (презрительное); *-ик*: *котик* и *столик* (журнальный); *-ица*: *лужица* и *сестрица* и т. п.

Правда, в [Русской грамматике 1980] выделен в нескольких адаптированных заимствованиях чисто уменьшительный суффикс *-етта/-этка*: *симфониетта*, *статуэтка*, но на русской почве он никогда не производил новых слов. Таким образом, все уменьшительные суффиксы, за исключением сомнительного сегмента *-етта/-этка*, автоматически являются суффиксами экспрессивных диминутивов.

Теперь выясним, ограничиваются ли суффиксы экспрессивных диминутивов уменьшительными суффиксами. Ответ на этот вопрос зависит от того, как проводить границу внутри

пространства экспрессивных суффиксов. В русском языке есть экспрессивные, чисто ласкательные суффиксы, которые никогда не выражали уменьшительности, но с самого начала русской лингвистики включались в число образующих «умалительные имена». В первом же научном описании русского языка М.В. Ломоносов безоговорочно относит к «умалительным» образования *словечушко, головонька, словечушко, серденько, сердечушко, головушка, рученька, ручушка*. Они не только не выражают объективную уменьшительность, но и образованы с помощью суффиксов *-ушк(а)* безударный и *-еньк(а)/-оньк(а)*, не способных ее выражать в принципе, не имеющих этого значения в своей морфемной семантике.

Закономерность объединения чисто ласкательных морфем с «уменьшительно-ласкательными»: «...ласкательные умалительные кончатся... в женском роде на *ка, нька, ушка...*»⁴ [Ломоносов 1983, § 247], никогда не подвергалась сомнению. Как будет показано ниже, в этой традиции есть глубокий смысл. Пока отметим, что ласкательность – наиболее типичное экспрессивное значение диминутивов в целом, поэтому объединение в общую категорию дериватов, образованных с помощью суффиксов, выражающих как уменьшительность, так и ласкательность, и дериватов, образованных с помощью чисто ласкательных суффиксов, выглядит логично.

Чистую ласкательность, без уменьшительности, выражают не только суффиксы *-еньк(а)* и *-ушк(а)* безударный, но и другие, например *-уша/-юша, -уля, -уся, -аша*, которые образуют в основном ласковые обозначения близких людей и гипокористические имена: *Ванюша, бабуля, мамуся, Любаша*. Наконец, морфемы *-ёнок* и *-ёныш* способны выражать ласкательность опционально, наряду с основным значением незрелости, см. ласкательные *внучонок, милёнок, ребятёныш*. Если мы признаём способность выражать ласкательность, т. е. типичное экспрессивное значение диминутивов, дифференцирующим признаком диминутивного суффикса, то такие суффиксы, как *-уля, -ёнок* и проч., тоже следует рассматривать как диминутивные.

Вопрос о границе диминутивного с другой, пейоративной стороны экспрессивной шкалы, по сути, является избыточным,

⁴ В современной терминологии – «выражают ласкательность диминутивные суффиксы *-к(а), -оньк(а)/-еньк(а)*»

в силу того что специализированные пренебрежительные/уничжительные суффиксы, такие как приведённые Ломоносовым в качестве «презрительных умалительных» *-ишко* и *-енцо*, плюс не упомянутый им *-ёнка/(о)*, могли выражать наряду и одновременно с экспрессией базовую диминутивную семантику уменьшительности. Они активно употреблялись как этикетные уничижительные в деловой письменности XVII в., при этом в языкознании дериваты типа *дворёнко*, *избенцо*, *огородишко*, *дочеришко*, *холотишки*, *шубёнко*, *шубёнчишко*, *золочёнка* часто называют «уменьшительно-уничжительными». Ими пишущий обозначал себя, членов семьи, свою собственность: недвижимость, одежду, крестьян, обозначая тем самым свой низший статус по сравнению с адресатом. В обозначениях неодушевленных предметов суффиксы выражали и прямую уменьшительность, по крайней мере намекали на малый размер и плохое качество огорода, шубы, избы и проч. Современные *-ишк(а/о)* и *-ёнк(а)* могут выступать как уменьшительно-экспрессивные: *комнатёнка*, *домишко*. Суффикс *-енцо* вскоре после фиксации в «Российской грамматике» Ломоносова вышел из употребления. Кроме того, в образованиях от основ с детской семантикой *-ишко* и *-ёнка* развили ласкательность: *ручонки*, *сестрёнка*, *мальчонка*, *детушки*, *ребятишки*, *штанишки*. Таким образом, они удовлетворяют критерию выражения ласкательности (в настоящем) или уменьшительности (в прошлом).

Отмечу также и то, что суффиксы экспрессивных диминутивов, как и ряд других суффиксов, относятся к модифицирующим, т. е. **не меняют лексическое значение и часть речи у производящего слова**, в отличие от экспрессивных субстантивирующих суффиксов типа *очаров-ашка* (ср. уменьшительно-ласкательный *кон-яшка*) или *поскак-ушка* (ср. уменьшительно-пренебрежительный *комнат-ушка*).

Итак, суффикс экспрессивного диминутива – это модифицирующий суффикс, способный выражать ласкательность как свое основное или побочное значение: *кровин-ушка*, *внуч-онок*, И/ИЛИ любой другой оттенок экспрессии (например, пренебрежительность), если при этом суффикс способен и выражать уменьшительность.

Наше определение дает возможность дифференцировать диминутивные суффиксы от других экспрессивных суффиксов,

но все-таки в таком отграничении есть доля условности, как и вообще в проведении границ внутри языка. Некоторые пограничные явления можно трактовать по-разному. В слове *мальч-уган* от вытесненного *мальч-уга* [Даль] экспрессивные суффиксы *-юга* и *-ан* (ср. *банд-юга* – *бандюг-ан*) слились в один суффикс, в XIX в. не выражавший ласкательности, судя по «мальчуга, мальчуган м. мальчик, в унизительном или в шуточн. знач.» [Даль], но с тех пор *мальчуган* обрело явственную ласкательность, что произошло и с пренебрежительными суффиксами в сочетании с корнями с семой «ребёнок», сравните пренебрежительное *-ишк* в *людшики* и ласкательное в *детшики*⁵. Справедливо ли трактовать уникальный суффикс *-юган* как экспрессивно-димиутивный? Другой пример: в слове *птаха* (исторически параллельное с *птица* образование от древнерусского *пта* ‘птица’) экспрессивный суффикс *-ах(а)*, ср. *деваха*, вносит ласкательный оттенок. Причислять ли его к экспрессивным димиутивным? Вопрос открытый. В данной работе уникальный ласкательный суффикс *-уган* и *-аха*, выражающий ласкательность в одном слове, не рассматриваются как суффиксы экспрессивных димиутивов.

В большинстве работ, где можно было бы черпать данные о суффиксах экспрессивных димиутивов, термин «димиутивный» в отношении суффиксов не употребляется. Но благодаря полученному определению экспрессивно-димиутивных суффиксов можно пользоваться данными о суффиксах, именующихся согласно принятым авторами этих работ терминам «уменьшительными», «субъективно-оценочными», «уменьшительно-ласкательными», «суффиксами ласкательных и пренебрежительных дериватов субъективной оценки». Вообще международный термин «димиутив» в российском языкознании стал употребляться сравнительно недавно, и за три столетия существования российской лингвистики соответствующие дериваты обозначались как «умалительные» (введенная М.В. Ломоносовым в 30-е годы XVIII в. в «Российской грамматике» калька латинского *deminutus* [Ломоносов 1983, § 247]), «уменьшительные», «уменьшительно-ласкательные» (формы, суффиксы и проч.). Наконец, фактически как синонимичный термину «уменьшительно-ласкательные суффиксы» исполь-

⁵ Семантика экспрессивных суффиксов вообще сильно зависит от внутрисловного контекста, см. гл. 2, п. 6.1.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru